

милых» девочек. Но отец начал головой: «Не то». Она и сама чувствовала это.

Может быть, подводил драматургический материал — пресноватый, излишне розовый. Но вот сыграла Шурку в горьковском «Егоре Булычове». Чем не роль? Однако и эта работа не раскрыла ее возможностей, не принесла уверенности в себе. Позднее поняла: в Шурке — озорной, прямодушный — она воспроизводила свой собственный характер, играла саму себя.

Над Ирой нависала опасность. Что было бы, если бы утвердилось за ней амплуа бойкой, жизнерадостной девчонки и потянулись роли-близнецы, постепенно убивающие в актере художника? Но счастье все-таки улыбнулось ей.

В театре собирались поставить «Лучину» Островского. И режиссер, народный артист Казахской ССР Евгений Яковлевич Диордиев предло-

Голубевой — персонажа комедии «Проходной балл». Не так уж нов этот характер. Людмила Петровна попала в пьесу из фельетонов, в которых высмеивались родители, пытающиеся потеплее устроить своих отпрысков, протолкнуть их в вуз с черного хода.

И вновь чувство непроторенной дороги. Материал кажется трудным, неодолжимым. А хочется обрушиться на Голубеву разный смех зала. Значит, нужны какие-то необычные ходы...

Спектакль удался. И ясно, что успех принадлежит коллективу — режиссеру А. Л. Терещенко, художнику В. К. Калужскому, актерам Н. Я. Кардонской, В. Н. Шамакову и другим. Но сердцем, мотором, приводящим в движение весь механизм спектакля, стала игра Аркадьевой.

Людмиле Петровне неведомо состояние покоя. Она словно бы в лихорадке. Один за другим вынашиваются хитроумные планы и осуществляются с бешеной энергией. Вот, совершенно потеряв голову от беготни, Голубева в изнеможении опускается на диван. На лбу у нее... гредка, под языком — валидол. И вдруг она вскакивает, как ошпаренная, фонтаном вылетают таблетки изо рта. Ну, мыслимо ли хворать, если у сына завтра экзамен, а она еще не раздобыла эпиграф к сочинению?!

И зал хохочет. Ибо вся эта вулканическая энергия расходуется лишь на то, чтобы создавать неловкие ситуации и выпутываться из них.

Острый гротеск, фарс, эксцентрика — канва роли. Эта Голубева — обывательница, доведенная до абсурда и, следовательно, высмеянная беспощадно.

Е. А. ПЛАВИНСКИЙ: Аркадьева — режиссер своих ролей...

А. Л. ТЕРЕЩЕНКО: Видели бы вы ее на репетициях «Проходного балла». Она приносит с собой массу вариантов, идей, трюков. Мне оставалось лишь делать отбор. Никому не давала понять, заставляла искать, двигаться.

И. А. АРКАДЬЕВА: Антер должен приходиться в театр сосредоточенно-улыбчивым. Все мелкие заботы оставлять за порогом. Работа, творчество — это же праздник! Я выхожу из себя, когда вижу на репетиции равнодушные, скучающие лица, слышу разговоры о пустяках...

Она живет театром. Знаю, что и отдых, и прогулки, и чтение являются для нее разновидностью работы: идет потаенный процесс накопления фактов, деталей, впечатлений.

Это и есть одержимость. Что же питает ее?

И. А. АРКАДЬЕВА: Искусство должно потрясать. Надо работать так, чтобы после спектакля человек думал о нем, идя домой, и не мог заснуть. А утром встал и решил: «Надо что-то переделать в себе, в жизни...»

ИСКЬМА, записки, которые пишут Ирине Аркадьевне зрители, — доказательство того, что ей посчастливилось играть в таких спектаклях. Один из них — «Битва в пути».

В спектакле по роману Г. Николаевой, поставленном Вильнюсским русским драматическим театром, Аркадьева играла Дашу.

Прошло немало лет, но и сегодня Ирина Аркадьевна может почти дословно процитировать наизусть строки из книги, посвященные ее героине.

— Глаза у Даши были распахнуты, как два окошка...

Вслед за писательницей актриса влюбленно поведала зрителям историю чудотворной смешной и наивной девчонки, для которой стал родным домом большой завод. Непростую историю... В первое время Дашины «окошки» не раз наполнялись слезами: никак не давалась норма, в бракodelы попала. Рабочий коллектив не дал в обиду девчонку. И «гадкий утенок» вырастает в сильного, красивого человека, способного постоять за правду, поддержать попавших в беду.

За исполнение этой роли И. А. Аркадьева была удостоена республиканской Государственной премии. «Битву в пути» Вильнюсский театр показал на гастролях в Москве. После премьеры Аркадьевой сказали, что ее хочет видеть Галина Николаева. Писательница обняла и расцеловала актрису.

...Горит в человеке огонек творческой одержимости. Человек не жалеет его, безудержно тратит в работе. А огонек не слабеет, годы не властны над ним. Не зря же сказано: чем больше отдаешь людям, тем становишься богаче.

В. ГОХФЕЛЬД.

На снимке: заслуженная артистка Казахской ССР, лауреат Государственной премии И. А. Аркадьева в роли Анны из спектакля «Ошибка Анны».

Фото А. Анисимова.

ЗАКОН Творческие портреты

СОХРАНЕНИЯ

Звание заслуженной артистки, Государственной премии, орден «Знак Почета» — вехи творческого пути Ирины Аркадьевны Аркадьевой. Второй год работает она в областном драматическом театре, но зрители успели полюбить ее.

О Г Н Я

ФОТОГРАФИИ, афиши, рецензии... Одна из этих актерских реликвий заставила задуматься.

На афише надпись: «Творческий вечер И. А. Аркадьевой». В центре листа — лицо актрисы. Его окаймляет своеобразная гирлянда: фотомонтаж свел в ней десятки сыгранных Аркадьевой персонажей.

Вот документальное свидетельство чуда, творимого искусством перевоплощения!

Афиша была выпущена в Костроме, где работала до приезда в Тюмень Ирина Аркадьевна и где сердечно отметили двадцатилетие ее творческого пути. Фотомонтаж запечатлел главное из ее актерской жизни. Лишь самых первых ролей не найти на этом листе...

ДО ЧЕГО же болезненны тайные уколы, обиды! Подумать только: ее подружкам, приглашенным, как и она, в Алма-Атинский Государственный русский драматический театр, дают уже настоящие роли, а она, Ира Аркадьева, все еще занята лишь в массовках или в лучшем случае «на выходах» с одной-двумя репликами типа: «Кушать подано!».

Хоть бы отец словечко замолвил! Аркадий Аркадьев — один из ведущих артистов театра, до войны в знаменитой Александринке играл... Как же, дождешься от него заступничества! Бывало, девчонки в театральном училище завидуют: «Тебе хорошо: отец в экзаменационной комиссии». А что толку? Стоит ей к этой комиссии подойти, как он тут же уходит из комнаты и где-то прогуливается, пока она сдает. Вот и сейчас гнет свою линию: завоевавай признание сама.

Репетируя очередную свою рольку — опять старушка в массовке! — Ира ловит на себе придирчивый взгляд отца. Все ясно: сейчас будет критиковать, это он умеет.

— Послушай, дочка... Ну разве старухи так ходят? Вот посмотри...

Ира вздергивает подбородок.

— Папа, не мешай! Я сама.

У Аркадия Африкановича умные, с юмором, глаза.

— Это ничего, дочка, что роли тебе пока дают маленькие. По актрисе и роли. Ты характерности набирайся, одним штрихом характер сумей передать.

Ира на цыпочках пробирается в пустой темный зал. Идет репетиция, на сцене — Харламова, народная артистка СССР. Ира вливается в нее взглядом. Ах, какая актриса! Смотреть на нее — уже счастье. Как нашла она для своей героини эти жесты, походку, смех? И все — в пору, все — правда...

ВЫ ЖДЕТЕ теперь рассказа о том, как подвернулся юной актрисе счастливый случай, круто изменивший ее судьбу. Мол, дали вдруг большую роль, талант был замечен, и пришла слава. Увы, жизнь сложнее театральных легенд. Были большие роли — сверстниц, жизнерадостных

жил начинающей актрисе Аркадьевой сразу две роли — купчихи Глафиры Пудовны и ее дочери Лизы. Она даже ушам своим не поверила. Да сознает ли Диордиев всю меру риска? У нее же нет опыта, а новые роли ни в чем не совпадают с ее амплуа. Но уже пробудилось неведомое ей раньше чувство непроторенной дороги, которая и пугает, и манит, и обещает открытия.

НАСКОЛЬКО же сложна была ее задача?

В первой сцене пьесы Глафире Пудовне восемнадцать лет. Купеческая дочка глупа, это очевидно, но глупость ее кажется безобидной, заслуживающей снисхождения. Откуда взяться уму, если взрослая девушка по воле родителей «обнаковенно» занимается лишь одним вышиванием? Зато вроде бы скромна, без претензий...

Островский блистательно развенчивает «педагогику» домостроевщины, якобы способную утвердить в людях нравственную чистоту. Даже в юности Глафира не столько хороша, сколько хитра и зла. Потом благочестие исчезает почти без следа. Во второй сцене перед нами воинствующая, истеричная мещанка.

Судьба Лизы, ее дочери, опровергает пословицу об яблочке, которое от яблони недалеко падает. Выросшая в нужде, непосильной работе, Лиза мечтает делать добро людям. И если уж решается принести в жертву себя, свою юность, то лишь затем, чтобы спасти от голодной смерти родных.

Таким образом, ей предстояло создать в одном спектакле не просто разные, но противоположенные друг другу образы. И она создала их! В антракте между второй и третьей сценами, снимая с себя подушечки, придававшие ей дородность купчихи, она «сняла» и психологию Глафиры, вживалась в иную судьбу, неузнаваемо менялся даже голос.

«Пучина» имела огромный успех, шла много сезонов подряд. Она открыла публике новое дарование. Важное открытие сделала для себя и Ирина.

И. А. АРКАДЬЕВА: Ох, и мучил меня на репетициях Диордиев, не давал пощады. Но работать было страшно интересно. Я поверила в себя, в свои силы. И еще поняла: успех в творчестве приходит тогда, когда рвешь каноны, инерцию, однообразие, когда ломаешь себя, чтобы не оставить лазейки штампу.

Принцип сформулирован, провозглашен. Но следовать ему — значит обречь себя на подвижнический, мучительный поиск, равный поиску крупин золота в толще песка. Верна ли своему принципу Ирина Аркадьевна?

Я не задавал этого вопроса главному режиссеру областного театра Е. А. Плавинскому, когда мы беседовали об Аркадьевой. Он заговорил об этом сам:

— Профессиональный актер, за плечами которого столько ролей, всегда может взять с полочки своего опыта какие-то готовые решения. А она приступает к каждой новой работе с удивительной непосредственностью, без актерских штампов...

КОНЕЧНО же, мог сложиться из готовых, когда-то найденных деталей и облик Людмилы Петровны